

О ТИПАХ ЗНАНИЙ, ПОЛУЧАЕМЫХ ПРИ ОПИСАНИИ
СЛОЖНОГО ОБЪЕКТА, ОБЪЕДИНЯЮЩЕГО "ПАРАДИГ-
МАТИКУ" и "СИНТАГМАТИКУ"

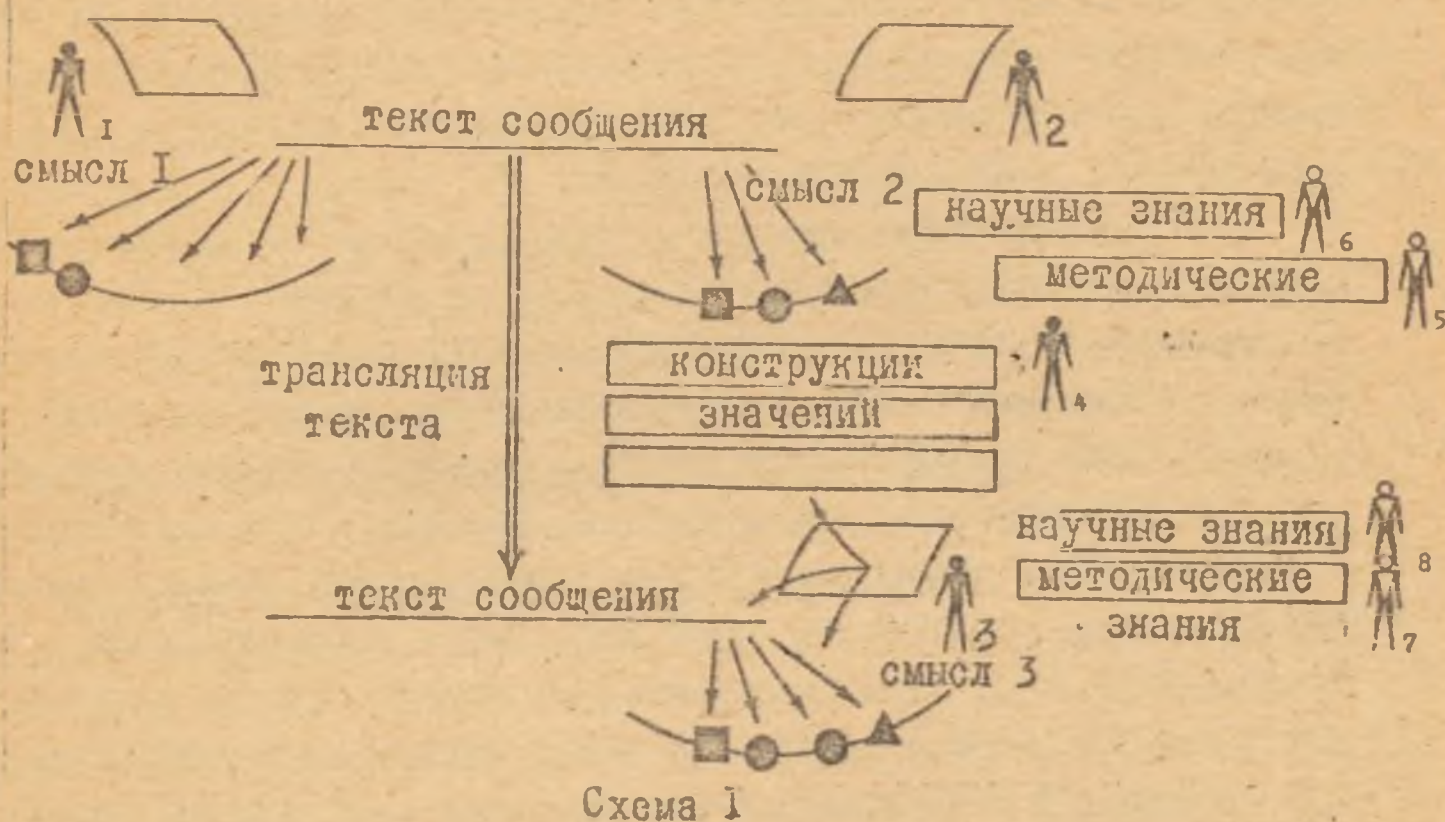
I. В рамках семиотики, как мы ее понимаем (см. [1], [2]), фундаментальным представлением, определяющим все остальные расчленения, является представление любого знака и знаковой системы (в том числе и "речи-языка") как знаковой системы особого рода — см. [3] — в виде сложного объекта, объединяющего в своей структуре две подсистемы — "парадигматическую" и "синтагматическую".

Такое представление знака и "речи-языка" было намечено по сути дела уже Ф. де Соссюром в рамках системы "речевой деятельности" (см. [4], стр. 121–124), а затем существенно трансформировано и перестроено Л. Ельмелевым (см. [5]). Однако в течение долгого времени это представление не влияло на практику лингвистических исследований (хотя соответствующие слова в лингвистических работах употреблялись постоянно), и сами понятия "синтагматики" и "парадигматики" в лингвистике фактически дальше не разрабатывались. Случилось так, (и это совершенно естественно и закономерно, ибо само различение синтагматики и парадигматики принадлежит не собственно лингвистике), что идея связи парадигматических и синтагматических систем стала развиваться дальше (но теперь уже в более общем виде), во-первых, в некоторых направлениях социологии и истории науки (см. [7], [8]), а во-вторых, в содержательно-генетической логике и теории деятельности (см. [1], [2], [9], [10], [11]). При этом как для первого (хотя в несколько скрытой и завуалированной форме), так и для второго направления (в совершенно открытой форме и на уровне принципов) ведущей была

I) Сделав ударение на тексте как основном объекте лингвистики, Л. Ельмелев освободил оппозицию "синтагматика — парадигматика" от психологизма, характерного для Ф. де Соссюра, — что было крайне важным шагом, — и ввел различные схемы и узуса, отделив его от различения нормы и реализации (см. [6]), но вместе с тем он потерял стержневую идею, которая связывала все это воедино, — идею деятельности.

идея деятельности. Различение парадигматических и синтагматических подсистем, вводимое в контексте теоретико-деятельностного и семиотического исследования, дает возможность построить совершенно новую онтологическую картину "речи-языка", "знака" и "значений" как объектов научного изучения /см. [12], [13], [14] / и на основе нее разработать новые средства и методы анализа.

Поясним основные идеи и направления этой работы в двух существенных пунктах, которых мы почти не касались в других публикациях: один из них относится к автономности парадигматических и синтагматических форм существования знака, другой - к типам знаний, получаемых при описании объекта, объединяющего "парадигматику" и "синтагматику".

2. В работах [1], [2], [9], [11], [12], [14] мы показали, что требования трансляции речи-мысли и воспроизводства рече-мыслительной деятельности заставляют создавать для этого специальные средства, в частности, так называемые конструкции значений (см. схему I), которые должны быть противопоставлены, с одной стороны, смыслу исходных транслируемых текстов /см. [12], [14] /, а с другой - знаниям разного рода (специально предметным, лингвистическим, логическим и т.п.), которые формируются по-

том из, по поводу и вокруг конструкций значений (см. [13], [15]).

Одна из важнейших функций конструкций значений состоит в том, что они выступают в качестве средств, помогающих понять смысл транслируемых текстов. Выполнение этой функции может обеспечиваться разными путями, но самый простой из них состоит в том, что конструкции значений просто фиксируют и выражают некоторые связи и отношения из системы смысла, включающего исходный текст (или, точнее, тексты) в ситуацию деятельности. Поэтому реально работа службы, создающей эти конструкции (а в нее попадает как языковедение, так и логика), выступает прежде всего как разложение систем смыслов на отдельные связи и отношения, как перевод систем смыслов в набор жестко фиксированных конструкций, выражающих отдельные ее элементы, а индивиды, получающие этот набор в качестве средств понимания (на нашей схеме — позиция 3), продолжают затем как бы обратную работу — переводят ряд отдельных конструкций значений в единую систему смысла или как бы собирают систему смысла из конструкций значений (см. [12], [14]).

Конструкции значений, хотя они фиксируют и выражают в себе определенные фрагменты смысла, не заменяют и не исключают последнего; они лишь создают опорные точки для понимания текста и восстановления его смысла. Конструкции значений и смыслы — это разные функциональные элементы одного целого, системы человеческой деятельности. Вместе с тем они создают и несут в себе две разные формы существования знака: синтагматическую, конструкции значений — парадигматическую. Особенность этих форм существования в том, что ни одна из них не может быть сведена к другой, каждая обладает известной автономией и функционирует по своим имманентным законам и, вместе с тем, они существуют лишь в связи и за счет друг друга. Более того, только эти две формы существования, взятые вместе, создают знак как некоторое целое, дают ему подлинно знаковое существование, причем, само единство создается благодаря еще одной, третьей форме, рефлексивно поглощающей две первых, благодаря "знанию знака" (см. [13]). И вместе с тем это рефлексивное поглощение не уничтожает независимости и автономности двух первых существований.

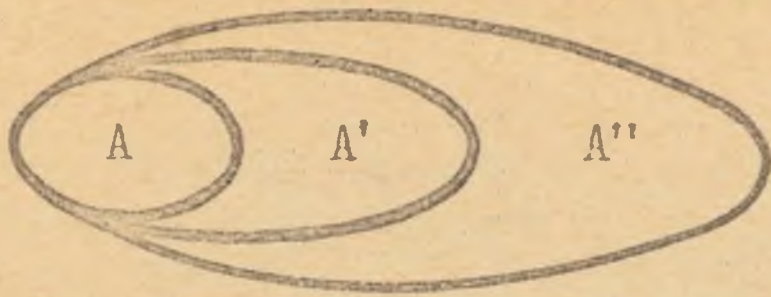

Схема 2

Если бы попытаться изобразить один из простейших моментов этой связи на схеме, то нужно будет начертить ряд вложенных друг в друга овалов $A \rightarrow A' \rightarrow A'' \dots$ (схема 2), и при этом специально оговорить, 1) что "собственное тело" A' возникает как отображение A , "собственное тело" A'' — как отображение A' и т.д., 2) что между $A, A', A'' \dots$ устанавливаются такие отношения или связи, что A' поглощает или включает в себя A , а A'' поглощает A' и т.д., 3) что A остается при этом целостным объектом, подчиняющимся своим собственным законам функционирования и развития, которые лишь в некоторой степени регулируются со стороны A', A'' и т.д., и аналогично для A' . Тогда, характеризуя A , мы должны будем говорить, что оно существует как часть и элемент A'' , как часть и элемент A' и, кроме того, как самостоятельный целостный объект, независимый от A и A'' .

В этой множественности форм существования и в особом способе связи их друг с другом — специфическое отличие объектов гуманитарных и социальных наук, т.е. всех наук, изучающих те или иные проявления человеческой деятельности.

Знак в тексте, имеющем целостную смысловую структуру, знак в конструкции значений, знак как действительность знаний, и, наконец, знак как целостность, охватывающая все перечисленное, — это как раз объекты такого рода, с тем лишь отличием, что каждый из них не только является элементом и частью всех других, но кроме того еще и сам рефлексивно поглощает остальные и делает их своими частями и элементами. И к такого рода объектам (мы не боимся сказать: пока — мистическим) лингвист и семиотик, заигнотизированные формами натуралистического мышления (см. [16]), подходят так же, как они подходили бы к обычным вещам: они пытаются разлагать их на материальные части и собирать из этих частей, надеясь восстановить таким путем их устройство. Но в данном случае стратегия и тактика исследований

уже не могут принести ожидаемых результатов. Единственное, что они могут принести и приносят, это огромное количество затруднений и парадоксов.

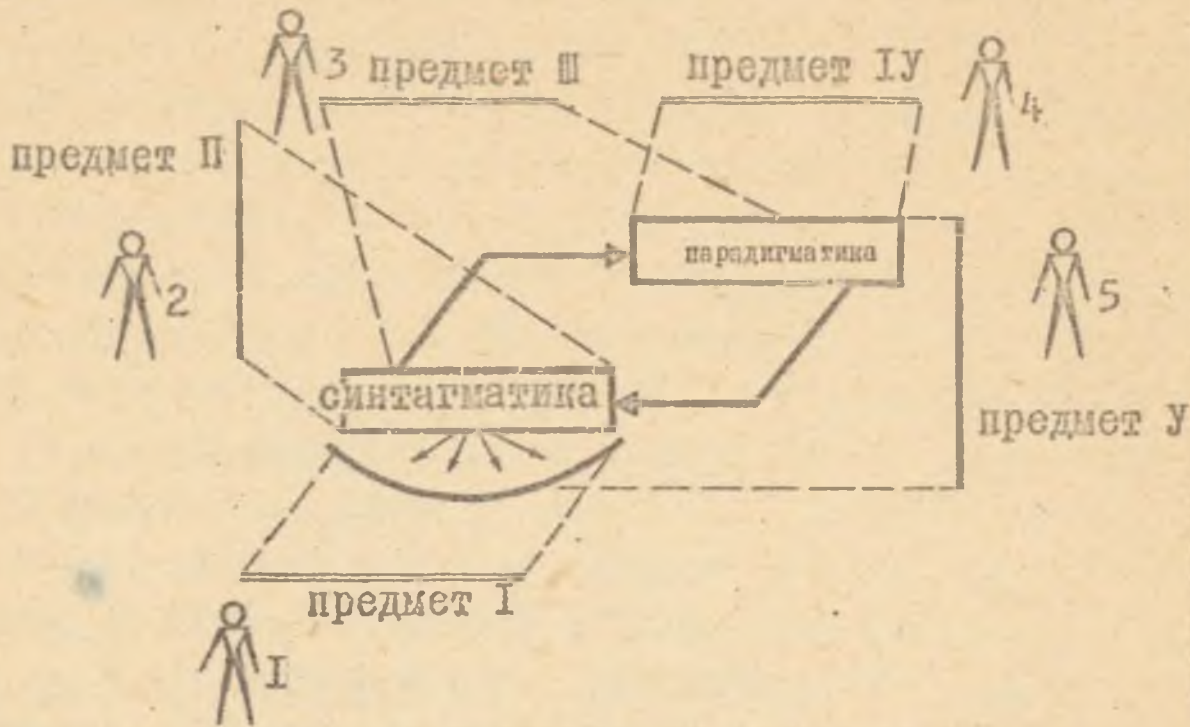

Схема 3

3. Чтобы пояснить и проиллюстрировать последнее утверждение — и здесь мы переходим ко второму из интересующих нас пунктов, — воспользуемся предельно простой схемой: представим "речь-язык" или "знак", взятый в единстве его смысла и значений, в виде связки двух подсистем — парадигматической и синтагматической (схема 3) — и рассмотрим, как "законные" предметы изучения могут быть созданы вокруг нее. При самом упрощенном и абстрактном подходе (даже если мы будем ориентироваться только на действительность объектов и совершенно отвлечемся от средств, которые, как известно, существенно влияют на характер и разнообразие научных предметов) нам придется выделить по меньшей мере пять самостоятельных научных предметов и пять соответствующих им исследовательских позиций.

Для первой позиции объектом анализа, поставляющим эмпирический материал, будут функции и смыслы синтагматических систем (т.е. рече-мыслительных текстов), взятых в качестве элементов ситуаций деятельности совершенно независимо от возможных обслуживающих их парадигматических систем.

Для второй позиции объектом анализа, поставляющим эмпирический материал, будет материальная организация синтагматических систем, взятая реально в связи с их функциональной и смысловой структурой (прежде всего за счет механизмов понимания — см. [16]), отображающая и фиксирующая в себе последнюю, но сознательно рассматриваемая как независимая и имманентная в себе реальность.

Для третьей позиции объектом анализа, поставляющим эмпирический материал, будут функции и смыслы парадигматической системы, взятой в контексте ее употребления и, следовательно, в ее отношениях и связях с синтагматической системой, но трактоваться она будет, вместе с тем, как самостоятельное и независимо существующее целое.

Для четвертой исследовательской позиции объектом анализа, поставляющим эмпирический материал, будет материальная организация парадигматических систем, взятая реально через понижение конструкций значений и в связи с ним, но трактуемая как целостная и независимая в себе реальность.

Наконец, для пятой позиции объектом анализа, поставляющим эмпирический материал, будет вся связь "синтагматика — парадигматика", как репрезентирующая один и единственный целостный объект, обладающий естественными процессами жизни; каждый ее элемент, синтагматика в такой же мере, как и парадигматика, будет браться не только по функциям и в своей относительной автономности, но также и прежде всего в связях (иначе говоря, в структуре и в процессах) объединяющего их целого, а их автономное и относительно независимое друг от друга существование будет выводиться как вторичный эффект, исходя из законов жизни целого.

Производя все эти разделения научных предметов в соответствии с различием объектов, поставляющих эмпирический материал, различием, зафиксированным в нашей методологической онтологии, мы совершенно не учитывали одного важного свойства знаний, существенно влияющего на формирование предметов; полученная из сопоставлений определенных объектов (см. [19], [20]) — так называемых объектов оперирования — знаковая форма знания, фиксирующая полученные путем сопоставлений свойства, может быть

затем отнесена и обычно относится к другим объектам (см. [21], [22], [23], стр. 84-92) - к так называемым объектам отнесения. То, что называется объектом изучения или действительностью объекта изучения, снимает в себе как то, что принадлежит объектам оперирования, так и то, что принадлежит объектам отнесения, причем, объекты оперирования вместе с наложенными на них схемами сопоставлений задают абстрактную компоненту содержания знаний, или свойства, а объект отнесения - тот субстрат, которому это абстрактное содержание приписывается.

Прикладывая это представление о знании к рассматриваемой нами схеме предметов, мы можем понять, что каждое знание, полученное в анализе одного из пяти названных нами объектов, может быть отнесено затем не только к нему самому, но и к любому из других четырех объектов (ср. [24]). И это не должно нас удивлять, ибо объекты изучения в отличие от объектов практической и инженерной деятельности не бывают заданы заранее, а создаются в процессе исследования. Обнаруживая какие-либо эмпирические проявления в изучаемой нами объектной области, мы никогда не знаем (и в такой локальной ситуации не можем знать), каким именно объектом они порождены и к какому, соответственно, объекту изучения должны быть отнесены фиксирующие их знания. Решение всех этих вопросов достигается с помощью методологии, которая создает и развертывает онтологическую картину объекта. А пока такой онтологии нет, исследователь-предметник не имеет никаких критериев, чтобы ответить на вопрос, к какому относительно автономному объекту должны быть отнесены зафиксированные им явления (ср. [25], стр. 106-190), и потому очень часто производит неадекватные, ложные отнесения.

Описанная нами схема, как уже отмечалось выше, является крайне упрощенной - ведь цель проведенного обсуждения состояла лишь в том, чтобы проиллюстрировать основную идею о множественности и взаимном переплетении возможных здесь научных предметов. Но даже этой упрощенной схемы достаточно для того, чтобы объяснить многие зигзаги на путях развития языкознания; и, в частности, нетрудно показать, что вся история языкознания была по сути дела историей непрерывных смешений этих научных предметов, наложенный их друг на друга, переноса свойств одного объек-

та на другие и т.д. и т.п.

Для этого были свои объективные основания, ибо любая единица речевых действий действительно существует и проявляется дважды: один раз в системах речи, а другой раз — в системах языка. Поэтому лингвист, описывавший грамматику языка и задававший себе в связи с этим вопросы об онтологическом статусе "языка", как правило, из-за неадекватности его методологических и онтологических представлений, в ответах указывал на речь. Он говорил: описанные им элементы языка существуют в цепочках речи. Внешнее правдоподобие и кажущаяся очевидность таких объяснений долгое время затрудняли выяснение действительной природы речи, языка и речевой деятельности.

Более того, хотя мы и говорим, что такое объяснение объективного статуса языка — ошибка, непременно нужно добавить: ошибка очень близкая к правде, ибо все, что зафиксировано и существует в языковых нормах, т.е. в парадигматике, действительно существует (хотя и в другом виде) также и в речи, т.е. в синтагматике. И эту особенность второго существования в языке того, что уже существует в речи, до сих пор не удавалось правильно описать. Собственно, так и должно было быть, ибо особенность существования языковых норм и средств в их отличии от речевых цепочек и, вместе с тем, в связи с последними можно объяснить только в системе анализа и описания речевой деятельности как целого, причем, — понимаемой не как индивидуально-психологическое явление, а как объективное культурно-историческое образование (см. [1], стр. 23-30). Достаточно вспомнить все последние дискуссии по методологическим и теоретическим проблемам языковедения за 15 лет:

— Дискуссия 1957 г. "О соотношении синхронии и исторического изучения языка". Основной тезис А.А.Реформатского: язык это — объект, но второго рода. А что это значит — второго рода? Существует он отдельно от речи или нет?

— Дискуссия 1962 г. "О системности языка". Основные положения выступления Г.С.Клычкова: язык есть понятийный конструкт. А что это значит? Существует ли реально он сам как объект или же объективно существует лишь то, что в нем фиксируется и изображается? И, наконец, как будет относиться это реально существ-

вурцео и речельм цепочкам?

— Дискусся 1967 г. "Язык как знаковая система особого рода". Основные положения доклада А.А. Уфимцевой: элементы языка — виртуальные знаки. Но что это значит? Ведь виртуальные — это возможные знаки? Существуют ли они актуально и объективно как особая и самостоятельная реальность? И если существуют, то как?

На все эти вопросы мы не находим ответов в современной лингвистике и никогда не найдем, если с самого начала и очень определенно не примем идеи множественного существования всех элементов речи-языка, т.е. другими словами, наличие в речи-языке совершенно специфических, неизвестных естественным наукам связей "норма-реализация", "форма-материал" и т.д., создаваемых человеческой конструктивной деятельностью и определяющих как совершенно особый способ существования этих объектов, так и специфический характер описывающих их знаний.

А главное здесь, как мы уже говорили, заключается в том, что парадигматические системы имеют иную субстанцию с иной функциональной и структурным устройством, нежели синтагматические системы. Между теми и другими нет и в принципе не может быть никакого изоморфизма, гомоморфизма и т.п. По сути дела именно это глубокое различие в субстанции и устройстве систем синтагматики и парадигматики обеспечивает трансляцию и воспроизводство речи-языка и многих других образований, в том числе мышления. Существенно также, что каждая синтагматическая цепочка бывает представлена в массе отличающихся друг от друга парадигматических систем и таким образом сама как бы раскладывается и расслаивается. Одни из этих парадигматических систем фиксируют функциональную систему синтагматических цепочек, другие — их материал, третьи — переводят структурные и функциональные характеристики в материальные и т.д. и т.п. Можно даже сказать, что назначение всей парадигматики как раз в том и состоит, чтобы перевести синтагматические цепочки и связанный с ними смысл в другую форму существования и за счет этого обеспечить трансляцию рече-языковой способности из поколения в поколение.

В этом принципе, как вам представляется, заключено разре-

нение давнишнего спора: является ли слово знаком или нет. Когда мы берем синтагматические цепочки, то в них слова выступают вроде бы как знаки в традиционном смысле слова, т.е. как обозначающие нечто; когда мы берем конструкции значений, в особенности, — чисто словесные, то там знак выступает уже в сильно трансформированном и усеченном виде, хотя бы потому, что отсутствует отношение обозначения; когда же мы обращаемся к "знакам знака", составляющим основную массу парадигматики, то там "знака" в традиционном смысле этого слова заведомо не оказывается, и тогда появляются странные понятия вроде "виртуального знака" Л.А. Уфимцевой, или же утверждения, что слово вообще не знак. Причина всего этого, на наш взгляд, заключена в том, что традиционное понятие знака является чисто натуралистическим, а потому вульгарным, и когда мы прикладываем это понятие к "речи-языку", то этот объект, естественно, оказывается незнаковой системой. И если стремиться во что бы то ни стало сохранить традиционные понятия, то это будет единственный последовательный и законный вывод. Но подлинная научная задача, по нашему мнению, состоит не в том, чтобы прикладывать к "речи-языку" вульгарное натуралистическое понятие знака, а в том, чтобы перестроить существующие понятия знака, значения и знаковой системы так, чтобы они заведомо охватывали "речь-язык" как объект изучения и были бы ему адекватны (ср. [3]). Различение смысла и значений, соответственно, синтагматики и парадигматики, а также определение связей и отношений между ними в рамках отдельного знака или речи-языка как целого является первым важнейшим шагом на этом пути.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Г.П. Щедровицкий. О методе семиотического исследования знаковых систем, — сб. "Семиотика и восточные языки", М., 1967.

2) В.А. Лефевр, Г.П. Щедровицкий, Э.Г. Юдин. "Естественное" и "искусственное" в семиотических системах, — там же.

3) Г.П. Щедровицкий. Что значит рассматривать язык как знаковую систему, — сб. "Язык как знаковая система особого рода. Материалы к конференции", М., 1967.

4) Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики. М., 1933.

5) Л. Ельмслев. Прологомены к теории языка, - "Новое в лингвистике", вып. I, М., 1960.

6) Л. Ельмслев. Язык и речь - в кн.: "История языкознания XIX и XX вв. в очерках и извлечениях", часть II, М., 1960.

7) Т. Kuhn, The Structure of Scientific Revolution, 1962.

8) Criticism and the Growth of Knowledge. Ed by I. Lakatos und A. Musgrave, Cambridge, 1970.

9) Г. П. Щедровицкий. Об исходных принципах анализа проблемы обучения и развития в рамках теории деятельности, - сб. "Обучение и развитие", М., 1966.

10) О. И. Генисаретский. Опыт методологического конструирования общественных систем, - сб. "Моделирование социальных процессов", М., 1970.

11) Г. П. Щедровицкий. О системе педагогических исследований. Методологический анализ, - сб. "Оптимизация процессов обучения в высшей и средней школе", Душанбе, 1970.

12) Г. П. Щедровицкий. Значения как конструктивные компоненты знака. Сб. "Вопросы семантики", Тезисы докладов, М., 1971.

13) Г. П. Щедровицкий. Знания как компоненты знака, - там же.

14) Г. П. Щедровицкий. Структура знака: смыслы и значения, - сб. "Актуальные проблемы лексикологии", Минск, 1971 (в печати), а также "Ideen des exakten Wissens. Wissenschaft und Technik in der Sowjetunion", 1971, N 8 /in Druck/.

15) Г. П. Щедровицкий. Значения и знания, - сб. "Актуальные проблемы лексикологии. Тезисы докладов", Новосибирск, 1971 (в печати).

16) Г. П. Щедровицкий. Понимание как компонента исследования знака, - сб. "Вопросы семантики. Тезисы докладов", М., 1967.

17) Г. П. Щедровицкий. Проблемы методологии системного исследования, М., 1964; а также "General Systems", Vol. XI, 1966.

18) Г. П. Щедровицкий. Заметки о мышлении по схеме двойного знания, - сб. "Материалы к симпозиуму по логике науки", Киев, 1966.

19) Г. П. Щедровицкий, Н. Г. Алексеев. О возможных путях исследования мышления как деятельности, - "Доклады АПН РСФСР", 1957, № 3.